

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК В XXI ВЕКЕ

26 июня 2013 г. в Московском гуманитарном университете по инициативе АНО «Центр образовательных технологий» был организован круглый стол «Образовательные технологии в вузе: особенности применения, проблемы эффективности», в работе которого приняли участие профессор ведущих вузов страны, специалисты в области IT-технологий, представители бизнес-образования и СМИ. Обсуждение проходило в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ «Создание программного обеспечения для информационно-исследовательской системы „Инновационные образовательные технологии в России и за рубежом“» (№ 13-06-120346). Вел работу круглого стола ректор МосГУ профессор И. М. Ильинский. Предлагаем вниманию наших читателей текст его выступления.

Образовательные технологии: соотношение традиций и новаторства

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Текст выступления на круглом столе «Образовательные технологии в вузе: особенности применения, проблемы эффективности» (26.06.2013 г.) в МосГУ. Докладчик осветил существующие сегодня общие тенденции и проблемы в обеспечении современных подходов к организации образовательного процесса по подготовке будущих специалистов в высшей школе.

Ключевые слова: образовательные технологии, эффективность образования, организация образовательного процесса, инновационные образовательные технологии, российское образование.

Открывая наш круглый стол, я прежде всего хочу представиться не только как ректор Московского гуманитарного университета, но и как председатель Правления АНО «Центр образовательных технологий» (ЦОТ), который является одним из учредителей МосГУ. Именно ЦОТ был инициатором проведения данного круглого стола по теме образовательных технологий (ОТ), роль которых в современном образовании непрерывно возрастает и будет расти.

На днях министр образования и науки Д. Ливанов заявил, что высшую школу ждут **небывалые потрясения**. Первой причиной этих по-

трясений он назвал демографическую яму, дна которой Россия достигнет только в 2017 г.; вторая причина — **стремительно развивающиеся образовательные технологии**.

Д. Ливанов сказал, что у российских вузов осталось лишь несколько лет, чтобы *приспособиться* к новым условиям, возникшим в результате всеобщего *распространения Интернета* и появления мгновенного доступа к любой информации, — **выживут только те из них, кто выдержит связанное с этим усиление конкуренции**. По его мнению, традиционная модель образования, в которой учитель или профессор обладал монополией на знание и зада-

ча образования сводилась к трансляции этого знания, более неактуальна.

* * *

Образовательные технологии никогда не были предметом моих научных исследований, однако что такое «технология», я знаю хорошо с молодости, поскольку окончил несколько технических учебных заведений — строительный техникум и танковое училище (очно), технический вуз (заочно). Здесь я изучал такие учебные дисциплины, как «Технология металлов», «Технология машиностроения», «Детали машин», и другие предметы, технологичные по своей сути. Кроме того, я работал мастером механических мастерских, начальником цеха на оборонном заводе, т. е. использовал технологии на практике. В цехе в моем подчинении был главный технолог.

Дипломатическая академия, аспирантура, защита докторской диссертации — все это было уже в зрелом возрасте.

Говорю это к тому, что значительную часть основных образовательных технологий, таких как классическая лекция, семинар, лабораторная работа, учебная и производственная практика, экскурсия, зачет, устный и письменный экзамен, разного рода технические средства обучения, в том числе образовательное кино, круглый стол, мозговой штурм, групповая курсовая работа и доклад, взаимная проверка выполнения заданий и тому подобные средства, формы и методы передачи знаний, которые я понимаю как *образовательные технологии* в их традиционном и отчасти устаревшем смысле, я *испытал на себе*, применял их на практике.

Как известно, в конце 1990-х и начале «нулевых» годов технологическая сторона образования стала быстро изменяться и обогащаться.

В 1994 г., уже как ректор, я застал начало трансформации образовательных технологий. Термин «образовательные технологии» в тот момент стал наполняться новым значением прежде всего из-за появления **нового технического носителя информации — компьютера, а вскоре и Интернета**. Началась эпоха компьютеризации образовательного процесса. Появились компьютерные классы, дистанци-

онные формы обучения, компьютерное тестирование, интерактивные и виртуальные доски, виртуальные аудитории и залы и т. п.

Всем известно, что на первоначальном этапе использование принципиально новой и *мощной* по своим возможностям технической базы образования многими преподавателями воспринималось с иронией и скептически, носило экспериментальный, а иногда и откровенно развлекательный характер. Традиционные технологии в образовании по-прежнему доминировали. Внедрение новых образовательных технологий происходило, да и поныне происходит непросто. И не только в России, но также в некоторых странах Запада.

Одна из главных причин в том, что *технологическая* сторона образования и возможности новых технических средств (компьютера, Интернета) с самого начала романтизировались, преувеличивались.

Я дружен с бывшим ректором МЭСИ В. П. Тихомировым и бывшим ректором Современной гуманитарной академии (СГА) М. П. Карпенко — безудержными апологетами дистанционного обучения (ДО). В своих публикациях еще двадцать лет назад они *совершенно серьезно утверждали*, что уже в *обозримом* будущем дистанционное обучение практически полностью *вытеснит и заменит* традиционное образование.

Фанатизм по поводу ДО как образовательной технологии овладел также значительной частью населения России. Например, в лучший период своего развития СГА добилась государственного статуса «университет», имела более 160 филиалов в России и за рубежом, в которых обучалось около 180 тыс. человек. Основа фанатизма сторонников ДО — низкая стоимость обучения, хотя она изначально предполагает в основном соответствующее, т. е. **низкое, качество обучения**.

Я не хочу, чтобы присутствующие подумали, будто я против компьютера, Интернета, ДО. Глупо выступать против землетрясения или цунами. Я выступаю за чувство меры в отношении как к традициям, так и к новациям.

Мы живем в сверхсложном, неопределенном мире, который мы же и сотворили. Мы не знаем, как преодолеть мировой системный

кризис, и это в очередной раз продемонстрировали недавно «Большая восьмерка», а затем Санкт-Петербургский экономический форум. Мы не понимаем мир, в котором живем, но несмотря на все это, пытаемся понять Происходящее, **внедряем** повсюду, в том числе в образовании, одну за другой, а то и скопом **десятки новых технологий**, которые делают человеческое сообщество еще более сложным, еще менее прогнозируемым. Ибо эти технологии вместе с позитивными порождают непредвиденные **негативные** изменения. От этого непознанный мир хаоса и риска становится **принципиально** непознаваемым и практически неуправляемым. А субъект познания — человек, человечество на своих собственных глазах не умнеет, а глупеет.

Вот ЕГЭ, тестирование. Это тоже образовательные технологии. Они, несомненно, имеют право на существование, в них есть положительное начало. Беда в том, что оба эти способа проверки знаний **абсолютизируются**. В итоге в России поколения выпускников школ одно за другим вырастают малограмотными, людьми низкой культуры и морали.

В подтверждение этой мысли приведу несколько цифр из только что завершившегося социологического опроса студентов нашего университета. На вопрос: «Какие личностные качества, по Вашему мнению, наиболее характерны для российской молодежи?» — 59,3% респондентов ответили — лень; 46% — эгоизм; 42% — безответственность; 39% — агрессивность; 28% — цинизм. Нравственные добродетели, которые должны быть более всего ценимы человеком, занимают последние строчки: доброта — 12%; честность — 8%; патриотизм — 6,5%; совестливость — 1,47%.

Эти данные устойчивы в наших исследованиях из года в год; они вполне коррелируются с результатами всероссийского исследования, проведенного Общественной палатой РФ три года назад.

Сверхсложность, неопределенность и непредсказуемость современного мира достигли **своего апогея**. А это значит, что высшие учебные заведения, особенно университеты, если они хотят быть таковыми по существу, должны находить **новые способы выживания**, быть

интересными для обучаемых не только тем, что дают им какую-то **специальность**, но также **учат жить** в условиях сверхсложности и непрогнозируемости. Это значит, мы должны учить молодых людей **размышлять**, **вызывать брожение умов** и способность **самостоятельно** управляться с сомнениями, беспокойством и страхами, которые в огромном количестве порождаются в современном обществе.

Если согласиться с таким подходом, то это значит, что вузам нужны новые методы и **новые технологии** именно образования, включающего в это понятие **воспитательный компонент**. Однако в новом законе «Об образовании в Российской Федерации» нет ни одной статьи, посвященной воспитанию.

В марте этого года на встрече Президента РФ В. В. Путина с его доверенными лицами у меня была возможность сказать ему, что Дума принимает не закон об образовании, а закон об обучении. Он согласился со мной. В своем Послании Федеральному Собранию Президент сказал о необходимости вести воспитание в школах. Это хорошо. Но о воспитании в вузах сегодня никто даже не вспоминает.

В свете нового закона — надо **переосмыслить** понятие высшего образования. На мой взгляд, из-за отсутствия воспитательного компонента в педагогическом процессе этот процесс следует понимать не как «высшее образование», а как **«высшее обучение»**, будь то бакалавриат, магистратура или аспирантура.

Я не думаю, что «высшее обучение» позволит российскому обществу справиться с теми вызовами и угрозами, которые уже обозначились; тем более с теми, о которых мы можем пока лишь догадываться. Качество решения той или иной задачи зависит от качества человеческого материала, используемого для решения этой задачи. Это — аксиома.

Во многих случаях, на мой взгляд, органы управления страной и образованием занимают как минимум спорные, а скорее ошибочные позиции.

Вот ставится задача построения **информационного общества**. Идея эта занимает господствующее положение в умах большинства людей, в том числе «наверху». Отсюда упор на **информационные технологии**, отсюда учеб-

ный процесс, построенный на *приоритете* информации.

Между тем в новых ФГОСах говорится все-таки об овладении **знаниями** и — более того! — зачастую о **понимании**. То есть, по существу, о построении **общества знаний**.

Надо ли говорить в нашем собрании о том, что информация и знание — вещи **принципиально различные**. Информация никогда не дает целостного миропонимания, ибо основная характеристика самой информации — **дробность, частность, отсутствие целостности**. Информация — один из способов существования знания, но не само знание. Тем не менее на лекциях все меньше **живого слова**, все больше **информации**, а не знания. Информация не развивает ум. Поэтому учебный процесс все больше становится «натаской».

Сказав это, я ни в коем случае не вычеркиваю информационные технологии из общего списка образовательных технологий. Еще раз скажу: *я не специалист в этой области* и потому хотел бы услышать мнение знатоков о том, какие из образовательных и особенно информационных технологий наиболее эффективны — и их стоит развивать, от каких надо избавиться, на какие не возлагать излишних надежд.

Минобрнауки толкает вузы в сторону укрепления **связей с практикой**. Что эта связь необходима, спорить не стоит. Хотя и тут необходимо чувство меры. Практики недовольны качеством образования, качеством научных исследований, тем, что вузы плохо обслуживают нужды экономики и общество потребителей. Ими ценится то знание, которое тут же работает и приносит выгоду. Практическое значение знания стало **синонимом истины** для тех, кто занят экономикой и техникой, — утилитарный подход, рожденный утилитарными умами, но он между тем торжествует.

Ничто не губит вузы так, как усиленное подталкивание их к «модернизации» только и исключительно на основе «все большего их сближения с практикой».

«Компетентностный подход» — еще одна из последних новаций, на мой взгляд, как раз из этого разряда понуканий.

В конце XIX в. на вопрос: «Что Вы считаете главной потерей истекающего столетия?» —

один умный человек ответил так: «То, что человек потерял лошадь».

В середине XX столетия французский философ Ж. Эллюль заявил, что средой обитания человека является теперь не природа, а **техника**. Тогда многим эти слова могли показаться сгущением красок.

Во втором десятилетии XXI в. с достаточной степенью уверенности можно сказать: «Человек обитает в технологиях, **технологии обитают в человеке**». И это так. **Человек все более технологизируется**, все больше зависит от техники и **служит ей**.

Ф. Фукуяма, прославившийся в прошлом веке публикациями о наступившем конце истории, в начале 2000-х годов издал книгу о **грядущем конце человека**, превращающегося в постчеловека (Fukuyama, 2002; Фукуяма, 2004). Постчеловек ассоциируется с **нелюдьё**, постчеловечность — с **бесчеловечностью**.

Противники этой идеи говорят о «**человеке технологизирующемся**», о «техночеловеке» как результате конвергентного развития нано-, био-, инфо- и социогуманитарных технологий. Как утверждает Б. Г. Юдин, следующий шаг в модификации человека — «это уже не просто его „улучшение“, а создание человека с заранее заданными свойствами» (Юдин, 2007: 523). Если оценить вклад высшего обучения в этот процесс, то его можно определить одним словом — «расчеловечивание».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Fukuyama, F. (2002) Our Posthuman Future : Consequences of the Biotechnology Revolution. Farrar, Straus and Giroux.

Фукуяма, Ф. (2004) Наше постчеловеческое будущее : Последствия биотехнологической революции : пер. с англ. [Электр. ресурс] / Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3604>

Юдин, Б. Г. (2007) Сотворение трансчеловека // Вестник Российской академии наук. Т. 77. № 6. С. 520–527.

Дата поступления: 27.06.2013 г.

On June 26, 2013 a round table entitled «Educational Technologies in a Tertiary Institution: the Features of Application, the Problems of Efficiency» was organized at Moscow University for the

Humanities in association with Autonomous Non-Commercial Organization «The Center for Educational Technologies». Among the participants there were professors of the leading higher education institutions of Russia, information technologies professionals, representatives of business education and mass media. The event took place within the framework of a project supported by the Russian Foundation for the Humanities («Software Development for the Information and Research System «Innovative Educational Technologies in Russia and Abroad», №13-06-120346). The moderator of the panel discussion was the rector of MosUH professor Igor M. Ilinskiy. We recommend his paper to the notice of our readers.

EDUCATIONAL TECHNOLOGIES:
THE CORRELATION OF TRADITIONS
AND INNOVATIONS

I. M. Ilinskiy

(Moscow University for the Humanities)

This is a paper presented at a round table entitled «Educational Technologies in a Tertiary Institution:

the Features of Application, the Problems of Efficiency» (June 26, 2013) that took place at Moscow University for the Humanities. The contributor threw light on the current general tendencies and issues in the maintenance of modern approaches to educational process organization for prospective specialists' training in the higher school.

Keywords: educational technologies, education efficiency, educational process organization, innovative educational technologies, Russian education.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Fukuyama, F. (2002) *Our Posthuman Future : Consequences of the Biotechnology Revolution*. Farrar, Straus and Giroux.

Fukujama, F. (2004) *Nashe postchelovecheskoe budushhee : Posledstvija biotehnologicheskoy revolyucii* : per. s angl. [Elektr. resurs] / Centr gumanitarnyh tehnologij. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3604>

Yudin, B. G. (2007) *Sotvorenie transcheloveka* // *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. T. 77. № 6. S. 520–527.